

«Слово о полку Игореве»

Читаем и переводим

Не лѣпо ли ны вѣшеть, братие, наугати старыми словесы трудныхъ повѣстии о плѣку Игоревѣ, Игоря Святъ-славича? Наугати же ста тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню.

Боганъ бо вѣщии, аще кому хотѣше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы, помнашетъ бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи, которыи дотечаше, та предпѣснь погаше старому Ярославу, храброму Мстиславу... красному Романови Святъславичю. Боганъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣи пущаше, нѣ свога вѣщиа прѣсты на живага струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же песнь эта по былям нашего времени, а не по замышлению Бояня!

Боян же вещей, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу... прекрасному Роману Святославичу. Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны воскладал, а они уже сами славу князьям рокотали.

(Перевод Д. С. Лихачева)

Тогда Игорь възрѣ на свѣт-
лое солнце и видѣ отъ него
тьмою вса своа бога прикры-
ты. И рече Игорь къ дружинѣ
своеи: «Братие и дружино! Лу-
це жъ бы потяту быти, неже
полонену быти, а всадемъ,
братие, на свои бръзгыа комо-
ни да позримъ синего Дону».
Спала князю умъ похоти, и жа-
лость ему знамение заступи
искусити Дону Великаго. «Хощу
бо, — рече, — копие приломити
конецъ поля Половецкаго; съ
вами, русичи, хощу главу свою
приложити, а любо испити ше-
ломомъ Дону». <...>

Тогда вѣступи Игорь князь
въ златъ стремя и поѣха по
чистому полю. Солнце ему
тьмою путь заступаше.

Тогда Игорь взглянул на светлое
солнце и увидел, что оно тьмою
воинов его прикрыло. И сказал
Игорь дружине своей: «Братья и
дружина! Лучше убитым быть, чем
пленным быть; так сядем, бра-
тья, на борзых коней да посмотрим
на синий Дон». Страсть князю ум
охватила, и желание отведать Дон
Великий заслонило ему предзнаме-
нование. «Хочу, сказал, копье пре-
ломить на границе поля Половецка-
го, с вами, русичи, хочу либо
голову сложить, либо шлемом ис-
пить из Дона». <...>

Тогда вступил Игорь-князь в зо-
лотое стремя и поехал по чистому
полю. Солнце ему тьмою путь за-
граждало.

(Перевод Д. С. Лихачева)

На Дунаи Ярославичинъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаема рано кыуетъ. «Полечу, — рече, — зегзицею по Дунаевн, омою беврианъ рукавъ въ Кагалѣ рѣцѣ, утру князю кровавѣна его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркунн: «О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мѣуеши хиновскѣна стрѣлкъты на своєю нетрудною крилцю на моего лады вои? Мало ли ти

На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано кукует. «Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльцах на воинов моего лады? Разве мало тебе было

вѣшетъ горѣ подѣ облакы вѣати, лелѣюи корабли на синѣ морѣ? Уему, господине, мое веселие по ковѣлию развѣта?»

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркѣи: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣалъ еси на себѣ Святослави носады до плѣкѣ Кобякова. Въздлѣли, господине, мою ладѣ къ мнѣ, а вѣхѣ не слала къ нему слезѣ на море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркѣи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси! Уему, господине, простре горающую свою лѣию на ладѣ вон? Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лѣи съпраже, тѣгою имъ тѣли затѣе».

под облаками вѣять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковѣлю развеял?»

Ярославна рано плачет на забрале Путивля-города, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы ладѣ до стана Кобяка. **Возлелей**, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и **прекрасно**, зачем же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов ладѣ? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло».

(Перевод Д. С. Лихачева)